

Мария Брегман

ЧЕЛНОВАЯ

Мария Брегман Челновая

<https://litres.ru/74334033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть книги-саги, книги-трагедии, в них громяхают войны, рвутся судьбы, стучат колесами поезда, вертятся турбины горя. У этой книги тихий гром, и тихий стук, и тихий шаг. Тик-так — время в ней идет назад, время возвращается в память. Говорят, мы уходим в свет. Возможно, этот свет — осененный памятью миг нашего детства.

Где-то очень далеко, за полем, городом, морями и лесами, стоит маленький домик, из него ранним утром выходит бабушка, на лавочке перед домом улыбается кот. Бабушка смотрит на тропинку, ведущую к калитке, и ждет нашего возвращения в детство.

Где-то очень далеко — и моя, и твоя Челновая. Пусть нас там обязательно ждут.

Содержание

ЧЕЛНОВАЯ	5
РОДОСЛОВНАЯ	9
ЧЕЛНОВАЯ	13
НЕШЕВО	18
УРАГАН	33
КОЛЯ	37
ДОРОГА	43
ДЕТСТВО	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мария Брегман Челновая

Мария БРЕГМАН

ЧЕЛНОВАЯ

Москва

Союз российских писателей 2025

УДК 821 Брегман М. Г. ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Б87

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры зРФ и техническом содействии Союза российских писателей

Б87 Брегман, Мария. Челновая / Мария Брегман. —
Москва : Союз российских писателей, 2025. — 160 с., ил.
ISBN 978-5-901511-63-3

Есть книги-саги, книги-трагедии, в них громыхают войны, рвутся судь-бы, стучат колесами поезда, вертятся турбины горя. У этой книги тихий гром, и тихий стук, и тихий шаг. Тик- так — время в ней идет назад, время возвращается в память. Говорят, мы уходим в свет. Возможно, этот свет — осененный памятью миг нашего детства.

Где-то очень далеко, за полем, городом, морями и лесами, стоит маленький домик, из него ранним утром выходит бабушка, на лавочке перед домом улыбается кот. Бабуш-

ка смотрит на тропинку, ведущую к калитке, и ждет нашего возвращения в детство.

Где-то очень далеко — и моя, и твоя Челновая. Пусть нас там обязательно ждут.

УДК 821 Брегман М. Г. ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Рисунки Саши Николаенко

ISBN 978-5-901511-63-3

© М. Г. Брегман, 2025

© Саша Николаенко, рисунки, оформление обложки,
2025

© Екатерина Арт (Омельченко), дизайн обложки, 2025

О

рассказах

Марии

Брегман

«ЧЕЛНОВАЯ»

Всем известна классическая история из жизни Нобелевского лауреата Уильяма Фолкнера. Его старший товарищ, талантливый Шервуд Андерсен, как-то сказал ему: все ваши знания о мире касаются территории с почтовую марку где-то на Миссисипи, впрочем, и этого достаточно. Не каждому начинающему писателю так повезло, как Марии Брегман: у

нее есть эта «почтовая марка», и пусть она не на Миссисипи, а в Смоленской губернии, это даже лучше. Мария сама объясняет, почему. У нее проскальзывает фраза по поводу какой-то смоленской деревни: мол, там жил и работал Глинка. Русская равнина очень плотно заселена культурой.

Но не о собственно культуре тут пойдет речь. Существует высказывание, очень многим оно приписывается. Мне кажется, что первым на эту тему высказался Навуходоносор II. Звучит оно так: все мы родом из детства. Это известно всем тысячи лет, но тема эта не может устареть. И вот перед нами очередной вариант освоения этой темы.

Мне представляется, что Мария Брегман очень хорошо назвала свой цикл рассказов — «Челновая», это как «Суходол» у Бунина. Место душевного притяжения. Из предисловия мне стало известно, что название пришло не сразу, сначала автор хотела назвать цикл «Баба Тоня». И это тоже было бы в известной степени оправдано. Баба Тоня занимает особое, центральное место в том детском

космосе, который описывает молодая писательница. Туда она постоянно возвращается на волне воспоминаний, переживает новые и новые волнующие моменты. Рассказы в этой рукописи встречаются и самые маленькие, такие как «Ураган», и вполне себе пространные, но неизменна тема, посто-

янно авторское благоговение перед прошлым, попытка воплотить воспоминание в слове.

На меня наибольшее впечатление произвели такие тексты как «Свёкла», «Баба Тоня» и особенно — «Ноч-ное». Как объяснишь современному подростку всю прелесть, таинственность и переживания этого события!

Что, спросят у меня, Мария Брегман достигла идеальных форм на избранном пути?

Нет, это только начало, но начало многообещающее.

Михаил Попов, писатель, член Союза писателей России.

РОДОСЛОВНАЯ

Я родилась в Москве в 1976 году, но малой родиной считаю Смоленскую область, где родилась моя бабушка. Я всегда чувствовала притяжение к земле, чувствовала, как энергия переполняет меня, когда я вижу распаханное поле. И я поступила в Тимирязевскую академию, на факультет почвоведения, агрохимии и экологии.

Ничего нет случайного. И встреча с выдающимся русским писателем Юрием Витальевичем Мамлеевым во многом определила мою дальнейшую жизнь. Тихими длинными вечерами мы сидели с ним и его женой Ма-шей за круглым столом на их даче, и я читала Юрию Витальевичу свои первые рассказы. Он всегда внимательно их слушал и давал советы, направлял меня и просил:

«Маша, пишите. Пишите больше. Что видите, что переживаете, особенно пишите о вашей деревне, там ваша сила и ваше вдохновение».

Меня всегда сильно тянуло к земле. Но жизнь сложилась иначе. После окончания института я начала работать в Государственном театре классического балета

Натали Касаткиной и Владимира Василёва, что еще больше развило мое восприятие красоты мира и музыки, и

я стала много писать. Затем была работа на телеканале

«Культура», которая изменила мою жизнь, все более переводя ее в творческое русло.

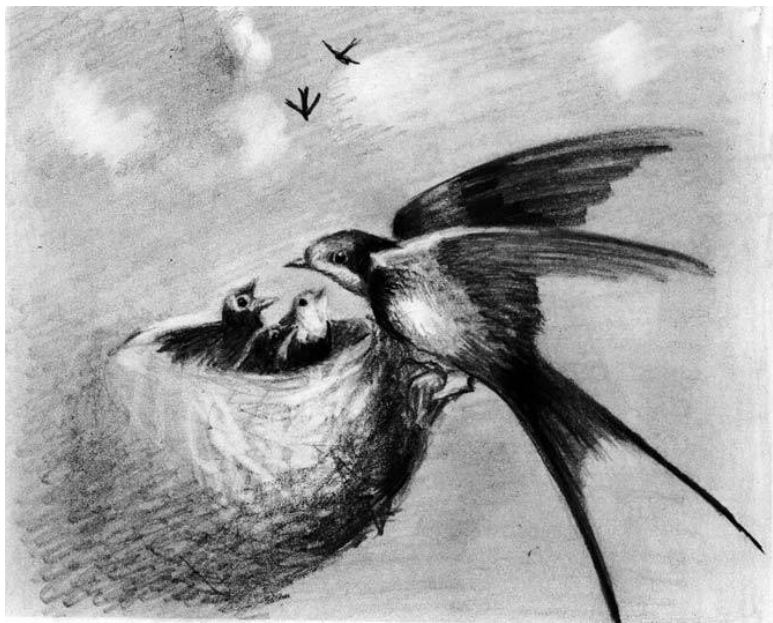
Но особенно наполнилась жизнь, когда появился мой первый сын Ян, а потом второй сын — Мартин. Они мои вдохновители. Хочется открыть им свой мир, как я его вижу, свои ценности, которые хочется им привить. С самого рождения сыновей я стала привозить их в свою родную деревню. Показывала ценность земли, передавала умение жить в природе, понимать законы леса и животных. Пыталась дать почувствовать единение с природой и ощущение жизни на своей земле. И еще я хотела запечатлеть это на бумаге, отразить в текстах главное для меня.

Было у моего цикла рассказов о родной деревне два названия: «Челновая» и «Баба Тоня», вернее, «Тетя Тоня». Потому что нельзя назвать ее бабушкой, такова она, Шаманиха, женщина, помогающая всем, и жизнь, и быт которой я впитала.

Челновая. Так называется деревня в Смоленской области, которую я считаю своей малой родиной. Связь поколений, традиции и жизнь в деревне — вот то небольшое, что я хотела выразить на страницах моей книги. Описывая шаг за шагом деревенский быт, я хотела погрузить своего читателя в удивительную и познавательную атмосферу русской глубинки, раскрыть ценность единения с природой и посмотреть глазами городского человека на иной мир, наделенный

иным смыслом.

Много тайн хранит деревенская душа, она неразрывно связана с родительским домом, родовым гнездом, традициями отцов. Природные циклы выражены в деревне

очень остро, и жизнь здесь, как и времена года, резко отличается своей наполненностью.

Не всем так повезло. Есть у людей город, дом, квартира, дача со всеми удобствами. Но нет чего-то родного и близкого, такого, что не измеряется машинами и квартирами. Оно в воздухе, в небе с перьевыми облаками, в ласточках, сидящих на проводах, в речке, что навсегда останется в памяти детства, в парном молоке и вкусе лесной земляники. И хочется снова и снова возвращаться сюда, чтобы вспомнить себя, отряхнуться от налета чужой жизни и почувствовать стук своего, настоящего, живого, бьющегося часто-часто благодарного сердца.

В сложное время пандемии я переехала с семьей на самоизоляцию на свою малую родину. В деревне жизнь не изменилась, все как было еще в моем детстве. Это отдельный мир, отдельная цивилизация, и моя проза неразрывно связана с ним и уходит корнями в родную землю.

Мария Брегман

ЧЕЛНОВАЯ

Бабушка моя из деревни Нешево родом. Дом там стоял такой добротный. Но когда ее маму парализовало, дети приехали к ней и стали решать, кто из них заберет к себе родителей. Ближе всего жила к Нешеву сестра Надя. Она и сказала: я заберу, но только дом мне тогда в Нешево останется. Что делать, раз сказала — так сказала. Обиделись, конечно, на нее остальные сестры и брат, но пришлось согласиться. Моя бабушка тогда уже в Москве жила, но хотелось ей в отпуск приезжать к себе на родину, в Смоленскую область. Хорошо, сестра ее младшая, Шура, по-звала к себе. «Приезжай, — говорит, — к нам. Я сейчас с мужем и двумя детьми в деревне Челновой живу. Работают здесь в клубе, фильмы показываю». Бабушка и моя мама с мужем собрались и поехали. Меня тогда не было еще. И стали они каждый год в отпуск ездить в Челновую. У мамы сестра моя Оля родилась, потом, через три года, и я. Привезла она из Москвы меня в деревню, мне еще трех месяцев не было. Бабушка люльку подвесит к потолку в пуне, где сено лежит, марлей меня закроет, и сплю я там

весь день. «Арсентьевна, — кричали соседи моей бабушке, — Маша в пуне плачет!»

«Ничего, сейчас приду!»

А мама брала меня в лес. Коляску возьмет и идет за грибами. В лесу удобно: в низ коляски грибы кладет и едет дальше, собирает. Как обратно возвращается, заходит на Проварище, в грибоварню. Грибы сдаст, деньги получит сразу — так подрабатывала она.

И жили мы весело в одном доме все. Тети Шурины дети, Леня с Толиком, утром рано вставали на рыбалку. Щуку огромную принесут, нажарит бабушка — всей семье хватит. А ту рыбу, что поменьше была, вешали на чердак сушить, а совсем мальков кошке отдавали на корм.

Раз напросилась я с ними на вечернюю рыбалку. Сели на самом высоком берегу Днепра, кинули удочки вниз. Сидим, ждем. А я волнуюсь: вдруг поймают... Поймали окунька. Положили в ведро, а сами дальше удочки закинули, сидят, ждут. А я уже не на поплавков смотрю, а все на этого окунька, что в ведерке. Он всей спиной выгибается, рот открывает, прямо в глаза мне смотрит. Я возьми и выпусти обратно. Как же меня Леня с Толиком ругали! Больше не брали с собой на рыбалку. Но я и сама больше не хотела с ними. А один раз зайца в лесу поймали, домой принесли. Хорошо, сбежал он от них быстро, жалко так мне было зверюшку.

Приезжали мы так каждое лето к ним. Пока не по-ругалась моя бабушка с сестрой. Хорошо, тогда рядом Никаноровна дом соседний продавала. Отдала бабушка денег. Та расписку ей написала. Вот и все оформление. И переехали

мы в свой дом. Старинный, довоенный еще.

Как же мне интересно тогда было в том доме все рассматривать! Большая русская печь в центре стояла. Прялка

в углу. А над прялкой икона весела. В сенцах лавка длинная была. Там мы ведра ставили. Из колодца мама воды принесет. Два ведра поставит. И рядом ведро стояло, а в нем трехлитровая банка с молоком в воде, чтобы не прокисло. Холодильника тогда не было у нас. Мама рассказывала, что ее бабушка жабу в молоко кидала, чтобы не скисло. Но мы

решили, что лучше в ледяной воде мо-локо сохранять.

Прямо как в дом войдешь, была кладовка с подполом. Там в железном баке продукты мы складывали. В даль-ней комнате за занавеской два сундука стояло больших. В одном мы сладости и крупы хранили. А в другом — из одежды и белья самое ценное. Дверей тогда в комнатах не было, только занавески и перегородки делали вместо стен, это чтобы печка, которая стояла в центре дома, теп-ло свое отдавала по всему дому.

Умывались мы под рукомойником. В него водичку нальешь. А внизу ведро ставили.

Утром, как вставали мы с сестрой, идем умываться, а мама водичку теплую наливала. Так приятно! А то ледя-ной, из колодца, холодно было умываться. Бабушка утром печку затопит, кашу в чугуне поставит. А раз чуть не умо-рила она нас. Мама тогда в Москве была, на работе. А мы с бабушкой жили. Спали мы с Олей вместе на одной кро-вати. Просыпа-емся вдруг и не можем понять, что с нами. Ног и рук не чувствуем. Как вышла я из дома, не помню даже. Только помню, как упала сразу на траву и стала ка-таться по ней, полчаса так лежала, и отошло тело, слу-шаться стало. И в голове на-чало проясняться. Потом я уз-нала, что угорели мы с сестрой. Еще немного, и не проснулись бы мы тогда. Бабушка печку истопила, а ког-да трубу закрывать стала, не увидела, что еще полено одно догорало. А закрывать можно, только если малень-

кие угольки остаются и догорело все. Вот угарный газ и пошел не в трубу, а в хату.

Но забылся этот случай быстро. Жили мы в своем доме очень счастливо.

А сестра бабушкина уехала из Челновой в город, не стало здесь работы, как развалился Советский Союз и за ним колхозы. А дом свой продала. Да неудачно, недолго они прожили, еще раз продали... И так никто и не стал там жить. Развалился тот дом, стоит теперь покосившийся и без крыши. Весь зарос бурьяном.

НЕШЕВО

—

Поехали

завтра

в

Нешево,

—

предложила

я

маме.

— Тянет меня туда.

До Нешево от Челновой недалеко на машине ехать. Сначала до Ельни нужно доехать. Потом двадцать ми-нут — и Новоспасское село, где Глинка родился и рос. А от Новоспасского по песчаной дороге еще семь киломе-тров — и Нешево наше. Оттуда я. Вернее, не я, а мои ба-бушка, прабабушка и прадедушка.

—

Поедем,

доченька,

и

на

кладбище

В
Ельню,

—

обрадо-
валась
мама.

—

Там
тетя
моя
Вера

Арсентьевна

похороне-на, и моя бабушка Вера Ивановна, и дед Арсей

Петро-
вич.

—

Мама
даже
перестала
чистить
картошку,
задумалась.

—

Серьезный
был
дед.

Как
же
мы
все
его

боялись, и жена его боялась, и дети! Сядем мы кушать.

Бабушка

в пять утра, как корову подоит, печку растопит, суп туда поставит томиться. Вкусный суп получался. Молоко на-льет, овощи все, что с огорода, положит. И драников на-печет. К обеду и ужину готово все. Только чугуна достать, поставить

на
центр
стола
и
ложки
положить.

Сидят
все

тихо, едят. Если слово скажешь, то дед Арсей ложку возьмет и так в лоб ударит, что ложка из дерева расколется. Слушали его все. Боялись сильно. Один раз мама моя, — продолжила рассказ мама, — чашку его любимую разби-ла. Так испугалась, что побежала она на речку, чтобы уто-пить. Но жил на деревне один немой парень. Схватил он маму. Спас.

А бабушка Вера какая добрая была! Из всех деревень вокруг к ней люди съезжались. Лечила она их, заговаривала. Идет она по деревне, если увидит пьяный какой в канаве лежит, вытащит, поможет, никогда мимо не пройдет. Очень добрая была и работающая. Спала на лавке у печки, даже раздеться не успевала, так и заснет в тело-грейке, калачиком. Я много могу про них рассказывать. Поедем завтра.

Утром мы встали пораньше. Растопили буржуйку, а то завтракать холодно было. И выехали на машине в Неше-во. Старое кладбище в Ельне мы быстро нашли. Могилку тоже. А ведь искали мы ее несколько лет подряд. Вся наша семья искала, от мала до велика. Не могли найти. Как моя бабушка умерла, не ездили мы туда. Заросло все. И вдруг два года назад трава посохла — лето было жаркое, — и показались из травы две знакомые фотографии, помнила я лица родителей моей бабушки очень хорошо, хоть и не видела их живьем, но по фотографиям сразу узнала. Вот счастье было! Убрали мы тогда траву и запомнили дерево большое, березу около могилки, — теперь могилка не потеряется. Так и нашли в этот раз. Голову подняли, березу нашли, а под ней и могилка. Только вся чистая в этот раз была. Кто-то приезжал, убирал. Жалко, не знаем, кто. Потеряли мы контакты наших родных, так жизнь всех далеко разбросала. И на Украине, и в Свердловске, и в Санкт-Петербурге наша родная кровь. А кто

приезжал в этот раз, не знаем. Зажгли мы свечу. Молит-

ву мама прочитала. Блином помянули. Цветы полевые положили.

А сын говорит: «Мама, можно я дорожку камешками выложу?» Я говорю: «Конечно, сынок». Насобирали он на дороге камней, самые красивые выбирал. И выложил дорожку.

—

Вот теперь приедут наши родственники и увидят, что были мы здесь, — сказал сын.

—

Поехали дальше, в Новоспасское, — заторопилась мама. — Там моя мама училась в школе, четыре класса окончила.

Больше

отец

ей

не

дал

учиться.

Говорит,

мыч-ки умеешь считать, да и ладно. А дорога какая красивая! Вокруг поля до горизонта, весь круг виден, видно, что планета — шар.

Приехали в Новоспасское. Церковь старинная.

—

А

это

папа

храм
построил?

—

вылез
из
машины
с
та-кими
словами
наш
младшенький.

Вот
и
вопрос
у
двухлет-него
сына!

Удивились
мы.

А
за
голубым
забором

—

усадь-ба,
где

Глинка
родился
и
рос.

Большая

территория, с озерами и лесом. И дуб стоит столетний, что
еще сам Глинка

сажал.

Хотели

мы

его

обхватить,

но

так

и

не

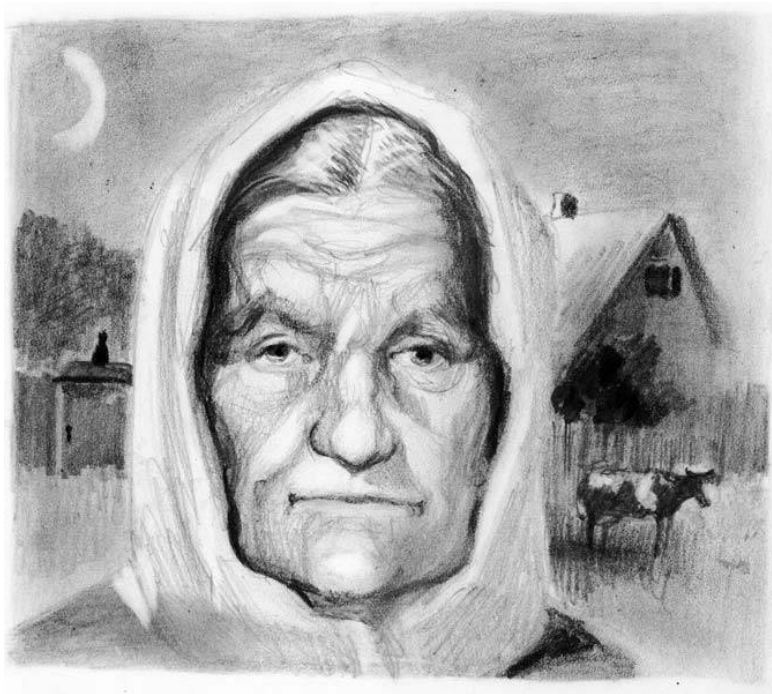
смог-ли, такой он большой.

Хотелось долго гулять по усадьбе и посидеть у озера в беседке, но тянуло в Нешево и мы поехали дальше. Вот и дорога песчаная началась. Значит, семь километров осталось нам до нашей родной деревни. Приехали. Вид-но — есть еще деревня. Мало домов осталось, но живут еще. Встретили мы двоих мужчин у самого края. Вылезли из машины.

—

Я же здесь девочкой росла, приезжала к своим ба-бушке и дедушке, — начала разговор мама. — Гореловы они. Может,

ПОМНИТЕ?

—
Как
не

ПОМНИТЬ.

Дом

их

сгорел.

—

Да

я

знаю,

—

отвечала

мама.

—

А

как

баба

Дуня,

что напротив нас слева жила, жива ли она?

—

Нет,

сгорела.

—

Как?

Когда?

—

Два года назад. Все боялась, что ее обворуют. Все замки закрывала и проволокой заматывала. А ночью за-горелась

проводка,
встала
она,
хотела
выйти.

А

дверь

открыть с испуга не смогла. Пока дверь выломали, уже

задохнулась она от дыма.

—

А

дом-то

сгорел?

—

Нет,

вон

стоит.

Там

семья

приехала

жить.

Пошли мы дальше по деревне. Вот еще один мужчина вы-

шел. Мама моя никак с ним наговориться не могла.

—

А

что

же
это
так
покошено
здесь?

—
спрашивает.

—
Так недавно батюшка к нам приезжал. Здесь рань-ше купель была. Он приезжал, показывал — где. Рассказывал нам.

Около
криницы
она.

Так
мы
батюшку
нашего всей деревней встречали, покосили траву.

—
Спасибо вам, Алексей, — сказала мама, — что все рассказали. Я бы еще долго с вами говорила, но идти надо.

—
Сразу
и
не

пойму,
где
дом
наш
стоял,

—

забеспокой-лась
мама.

—

Надо
вспомнить.

Напротив
дома
две
березы росли.

Там
бабушка

в
их
тени
всегда
грибы
и

ягоды
пере-бирала.
Напротив

—
справа

—
магазин

был,

где

мама

моя девочкой работала. И вишня у окна росла. Как сейчас
помню. Сижу я, вышиваю возле окна. А гроза сильная была.

Молния

как

ударит,

и

вишня

на

две

части

расколо-

лась.

Стали мы искать место, где дом был. Голову вверх под-
няли — а вот и две березы растут. Нашли. Нашли и печку,
и бревна обгорелые.

Сын спрашивает:

—
Мама,

можно

я

скобу

от

двери

возьму

на

память?

—

Конечно,

сынок,

—

ответила

я.

Мне самой хотелось и все кирпичи, и даже обугленные бревна забрать, такое все это родное...

—

Мама, давай огородим наш участок, — предложил по-хозяйски сын.

—

Хорошо, сынок. Может, как-нибудь руки и дойдут, — пообещала я.

Сходили мы на криницу, достали ведро с водой. Умылись все ею и отправились в обратный путь, в Челновую. И долго молчали в машине, так хотелось сохранить в душе тепло от этой поездки и нашего родного Нешева.

УРАГАН

Весь день ждали урагана. Предупредили, что пройдет он по всей Смоленской области. Утром и днем было сол-нечно, ни ветерка даже, не то чтобы ураган. Я с детьми и мамой пошла в лес к Новоселью, боялась сначала — когда ветрено, в лес ходить опасно, много деревьев ста-рых уже, упасть могут. Но тут тишина...

Сели в машину, доехали до делянки с брусникой. Взя-ли каждый по ведерку маленькому.

—

Мама, слышишь, и птички замолчали, — сказала я маме.

—

Да,

—

отвечала

мама,

—

как

хорошо

собирать

ягоды, погода как раз для леса. Ни комаров, ни водней.

—

Страшно

как-то,

—

продолжила

я,

—

тихо

слишком. Так

в

лесу

не

бывает.

То

шмель

зажужжит,

то

ветки

хруст-нут, и птицы наперебой поют, а тут как уснуло все.

Пособирали мы часа два и домой поехали. Приеха-ли —

и в деревне тихо.

Только к вечеру тучи налетели, и дождь сильный пошел.

И я успокоилась, наконец. Вот и дошла до нас непогода.

Ветер и дождь — это не страшно. А вот урагана — как же я боюсь! Еще с детства. Когда мне лет пять было, случился в деревне ураган. Вечером вдруг резко ночь стала, такие тучи темные налетели. И в окошко мы сидели смотрели, думали, дом наш улетит, такой силы ветер был, трава легла вся,

бросало ее из стороны в сторону, словно дикий табун по ней несся. Гул страшный стоял. Пережил тогда наш дом тот ураган. А когда на следующий день вышли и пошли в лес в сторону деревни Елчи, тогда по-няли, что ураган-то нас стороной обошел. Полоса метров тридцать была, словно покосило небо огромной косой наши вековые ели, а что-то с корнем вывернуло. Такое не забудешь никогда.

Поэтому так я и боялась, когда ураган обещали, знала, что это за страсть такая.

Но рано я успокоилась. Ночью проснулась я от знакомого уже гула. Гудело так сильно, что я думала, в нашем доме случилось что-то. Дом у нас словно каменный, рамы двойные оконные, ничего обычно не слышно с улицы. А тут я поняла: ураган идет. Два часа смотрела я в окно с надеждой, что устоит наш дом. Устоял. Вот и второй ураган пережила Челновая.

КОЛЯ

Маму я всегда очень любила и скучала по ней, даже когда она выходила на пять минут из дома за хлебом. Мы тогда на четвертом этаже жили. Как только она за дверь, я к окну бежала, еще маленькой девочкой была. Не дотягивалась я до окна, брала табуретку, вставала и провожала ее взглядом, и махала ей рукой, пока она не скроется из вида. Мама это знала и тоже всегда оборачивалась и отвечала взмахом руки.

Когда я пошла в садик, мне было так грустно без мамы, что я нашла дырку в заборе и убежала домой. Тогда очень меня и мою маму ругали в саду, а я не понимала, чем я виновата.

Когда мама привозила нас с сестрой в деревню на лето к бабушке, я тоже очень скучала. И бабушка сказала, что будет легче, если писать маме письма. Писать часто и обо всем, что я хочу и что делаю, свои мысли записывать. И я стала писать.

«Мамочка, идет дождик, я сижу у окна и читаю книгу, книга очень интересная, вчера взяла в библиотеке.

Бабушка печет блины в сенцах, сегодня утром она нам варила варенье из черноплодной рябины с яблоками. Ждем тебя очень. Когда ты приедешь?»

Это был разговор с мамой каждый день, ведь телефона

тогда не было еще в деревне, только один на почте. А еще я прикладывала в каждый конверт то цветочек ее любимый, то листочек, чтобы письмо живое было. Я знала, что цветочек засохнет, но верила, что маме так дойдет моя любовь к ней.

И было бы все, наверное, так же хорошо между нами, если бы не моя первая любовь. Мне тогда пятнадцать было. Со-всем еще девочка. А ему около сорока. Колей его звали. Я тогда не знала еще, что любовь может быть та-кой сильной. Я смотрела в его сторону и чувствовала, что внутри, где-то в груди, бежит волна, да такая же, как в море, бушующая, и она с такой силой ударяет в голову, что не знаю, есть ли пловцы, которые смогли бы устоять. И приходится нырять в эту волну, подныривать под нее и выплывать уже совсем другим человеком. Человеком, который влюблен. Страшная это сила. Затмевающая все вокруг. Вот такое со мной произошло. Бедная моя мама! Она пыталась поговорить со мной, но я не слышала. Ру-гала меня, но я только сильнее боролась за свою любовь.

«Доченька, вы же не сможете быть вместе», — говори-ла она.

Но я ледяным тоном отвечала: нет, будем!

А моя бабушка молчала и ничего мне не говорила. Часто я видела, как делает она что-то, а сама будто не здесь. Я спрашивала: бабушка, о чем ты думаешь? А она смотрела на меня мокрыми глазами с большой тоской, сначала только вздыха-

ла, когда я маленькая была, а по-том рассказала. Что была у нее одна только любовь — и на всю жизнь. Она вышла замуж и была счастлива

семь лет, так что хватит на несколько жизней этого счастья. Как она рассказывала, спали они только губы в губы, по-другому не могли. Очень сильно любили друг друга. Но не было у них детей. А тут еще и война Великая Отечественная началась. Они в Москве были, работали много, бабушка забрала своих сестер из деревни под Ельней, где они жили, там опасно совсем стало. И стали к младшей сестре военные ребята заглядывать — хоть и война была, а жизнь все равно продолжалась. Как ни вернется муж с работы, то один парень у них дома, то другой. И забеременела в это тяжелое время моя бабушка. Сколько ждали, а тут война, 1943 год шел. Соседи и говорят: «Коля, твой ли ребенок будет?» Вот злые языки завистливые! Коля и поверил, что солдаты к жене его ходили. Бабушке рожать пора, а Коля: не мой это ребенок и все. Бабушка сильная была. Родила. А Коля даже не пришел в роддом. Не смогла бабушка простить его. Ушла вместе с дочкой от него. И любила его всю свою жизнь. А когда мама моя подросла, очень хотела она отца своего увидеть. Нашла его моя бабушка. Надели они свою самую красивую одежду. Бабушка тогда уже директором комбината была, мама моя в институте училась. Приходят они к Коле. Открывает он дверь — и не верит. Дочка — точная копия его. Все черты подобрала. «А где же курносый нос?» — только и спросил Коля. Ведь родилась мама курносая. И стал Коля бабушку мою просить простить его. Умолял ее, но не простила она. А потом узнала она, что удар с ним случился, не

смог он уже жить с таким горем, сердце не выдержало. Вот бабушка и винила себя, что не простила тогда Колю. Сквозь жизнь пронесла она свою любовь и тя-жесть на сердце. Рассказывала она мне очень часто о своей любви. И в мою любовь не лезла. Твоя эта жизнь,

говорила она. Тебе и решать. Вот эта история моей бабушки и давала мне силы бороться. Бороться за моего Колю.

И была у меня эта любовь платоническая. Моя к нему — как к мужскому идеалу, и его ко мне — как к девочке-подростку с большими влюбленными глазами. Мы и не виделись почти. Любили на расстоянии. Однажды, когда мы снова встретились, он показал мне звезду на небе самую яркую и сказал: смотри на нее, когда хочешь подумать обо мне, и знай, что я тоже всегда буду смотреть на нее с мыслями о тебе. Это была последняя наша встреча. Мама запретила мне встречаться с ним. И я плакала в подушку и любила. Очень любила звездные ночи, тогда я в окошечко смотрела на небо — и мы были вместе.

А ведь у мамы моей тоже Коля был. Любила мама его. Он был моим крестным. В Балтийске он жил, в закрытом городе. И служил на военном корабле. Коля тоже любил маму, но его мама была против этого брака. Хотя и в раз-воде моя мама уже была, но с двумя дочками. Зачем ему женщина с двумя маленькими детьми, думала так за него мама. И не смогли они быть вместе. Мало прожил Коля, то ли служба

была тяжелая, то ли о маме моей скучал. Но умер он рано.

Прошли годы...

Когда я выросла и сама стала уезжать из дома в разные города и страны, я тоже всегда отовсюду присылала маме открытки со словами: «Мамочка, я тебя люблю». Я, конечно же, не держала обиды на маму за ту первую мою любовь. Но было что-то, что я оставила в душе только для себя. Ведь та далекая яркая звездочка так и светит до сих пор ночью в мое окошко, и еще я так и вспоминаю мокрые глаза моей бабушки. И ее слова: твоя эта жизнь, тебе и решать.

ДОРОГА

Нравилось очень нам на лето в Челновую ездить. Только дорога тогда тяжелая была из Москвы. Билеты на поезд ездили мы с мамой покупать за два месяца в Трансагент-ство. Очередь в кассу всегда большая была. Стоим с мамой долго, ждем. А как подходит очередь, только и успеваем сказать: до станции Кардымово, на смоленский поезд 103, плацкарт. С Белорусского вокзала. И ждем, что достанется уже. Иногда билеты только в общем вагоне оставались.

Приходишь в вагон, а там людей много, вплотную все сидения забиты, в ногах еще чемоданы и рюкзаки стоят. Всю ночь сидеть приходилось тогда, не спать. Станция Кардымово маленькая. Поезд стоит две минуты. Выйти из поезда нам с мамой, сестрой и вещами было сложно. Особенно если еще кто-то выходит. Поэтому приходилось за полчаса выбирать-ся в тамбур, чтобы первыми быть. А это 3.30 ночи. По-разному бывало. Мама выходит с вещами из поезда, а мы с сестрой в поезде остаем-ся, или нас мама высадит, а вещи забрать не успевает. Приходилось проводнику стоп-кран сры-вать.

Выходим в Кардымово. Платформа на пять вагонов всего. А как дадут нам 13-й вагон — нужно по шпалам идти.

Один раз вот такая история с нами приключилась. Поехали мы в Челновую. Мне семь лет было тогда, а се-стре десять. Вышли мы с мамой из поезда, темно еще было, часа четыре утра. Видим — вдалеке станция. Идем мы по шпалам. Мама говорит: дети, идите быстрее, пока следующий поезд не подъехал, и осторожней там, где пути меняются, чтобы ноги не зажало, когда стрелки пе-реводят. А тут товарный поезд поехал рядом. Не успел он проехать, а с другой стороны тоже товарный поехал. Так и остались мы между поездами. Стоим, мама нас собой накрыла, и за чемоданы держимся, а с нами еще кот наш Марсик всегда ездил. Как он тогда испугался! Мама с тру-дом его удержала. Ветер такой от поездов был, что вот-вот сдует.

Дошли мы так еле-еле до вокзала. Вокзал маленький, но теплый. Сели мы на стулья, вокруг никого, рано очень. Мама достала хлеб, картошку в мундире, яйца вареные. Посолили. Едим. Вкусно как! И ждем автобус в Челно-вую. И вдруг сообщение: отменился автобус. Сломался.

«А к вечеру будет?» — спрашивает мама.

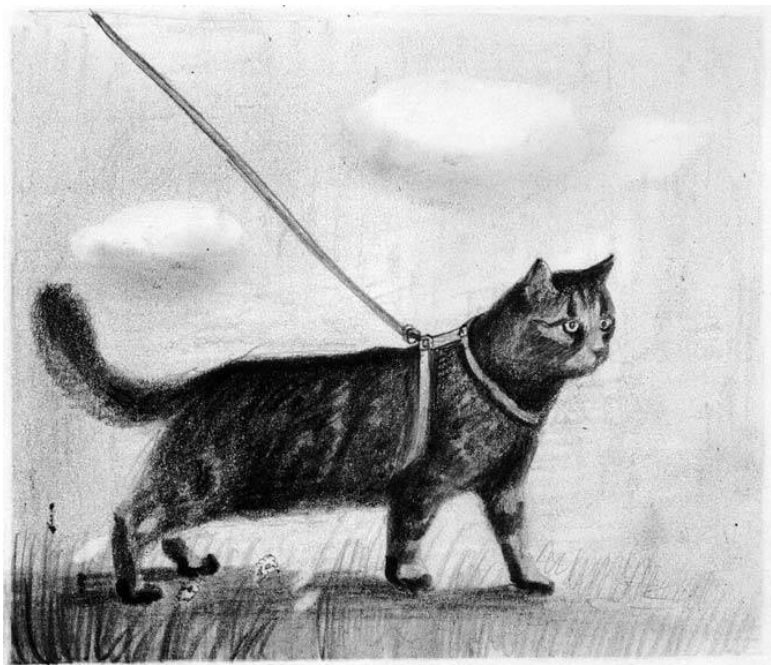
Тогда автобус два раза в день ходил. Не знаем ничего. Как починится. Может, и неделю ходить не будет. Да, та-кое часто бывало. То дорогу размочит, то водителя нет, а в этот раз — сломался. А до деревни сорок километров от Кардымово.

«Что поделаешь? Пошли пешком!» — говорит нам мама.

И кот Марсик с нами. Умный кот был. Красивый. Сам голубо-серенький весь, в полосочку белую, как тигренок, а но-

сик у него коричневый с черным ободком, глаза голу-бые. Вот мы и идем: мама, я с сестрой и кот наш на

30 Мария Брегман

поводке. Идем и за тенью наблюдаем, а она меняется по-

стоянно: то сзади была, потом маленькая стала, а как длинная-длинная становится, значит уже и деревня близко, вечер наступил. Так долго по дороге шли, что уже кажется, что это не я ноги передвигала, а дорога подо мной двигалась вперед. Если попутка попадалась, садились, подвозили немного нас. К вечеру добрались.

Сколько же счастья было увидеть издалека сосны с двух сторон дороги! Это Челновая наша показалась. По ней нужно пройти по большаку еще минут десять, до почты, и повернуть налево, на нашу улицу. И в конце улицы слева наш дом стоит.

Я иду и слушаю. В деревне сколько же звуков! То петух закукарекает, сверчки вокруг стрекочут, ласточки щебечут, вот корова где-то замычала. Добрались, наконец. А нас здесь бабушка встречает, вот мы наобнимались! За стол посадила, накормила. И сразу спать, завтра уже будем разговаривать.

32

БАБА

ТОНЯ

Раньше в деревне всем прозвища давали. Была у нас баба Поля Прокурор, Рубаниха баба Маня, а баба Тоня наша была Шаманиха. Лечила она всех заговором. По всей Смоленской области она известна была, может, и дальше даже. Как ни приду к бабе Тоне домой, обязательно машина у ее калитки

стоит, значит опять люди приехали. Никому баба Тоня не отказывала.

Денег не брала. Нельзя брать, а то дар заговаривать пропадет. Можно только продукты принимать. Вот и нес-ли ей, чем только не одаривали бабу Тоню! А раз пришла я к ней, а у ее дома стоит мужчина, пожилой уже, согну-тый весь в крючок. Говорит, не могу, поясница отнимает-ся, разогнуть-ся не могу, так схватило. Так баба Тоня его положила между сенцами и комнатой на порог. Хочу я выйти из дома и вижу: лежит он на пороге, рубашку за-вернул, а баба Тоня рядом стоит с топором. В одной руке топор, а в другой веточки держит, то ли березовые, то ли дубовые. Кладет их ему на пояс-ницу и начинает на нем рубить топором. Порубила, молитву приговаривая.

«По кругу, по кругу...» — слышу, она говорит и паль-цем по стене круг рисует. Потом вышла из дома, в печь на улице положила те веточки порубленные и сожгла.

Мужчина встает и кланяется бабе Тони в ноги: «Спа-сибо тебе. Прошло у меня все».

Столько чудесных случаев у меня на глазах происхо-дило! И детей много привозили к ней. Всем помогала. Но в деревне Шаманиху побаивались. Могла она и заклятье на человека наложить.

Один раз иду я уже вечером к ней домой, смеркалось. А наши дома через два дома на одной улице стояли. Вижу, идет

баба Тоня тоже по дороге, быстро идет, с конца на-шей улицы к своему дому. Со мной сравнялась когда, я хотела по-здороваться, а она как отпрыгнет от меня в ку-сты, будто бы перелетела. Только увидела я тогда взгляд ее: уж сколько же в том взгляде было нечеловеческого, огнем он горел! Я испугалась и бегом к ней домой побе-жала. Зашла в дом и жду, пока баба Тоня дойдет. Прихо-дит она минут через десять. Будто бы я и не ее на дороге видела. Спокойная, улыбается, а про этот случай молчит. Я тоже промолчала.

Знала я, что есть у нее какое-то колдовство: нужно но-чью на перекресток дорог выйти и закопать на их пересе-чении что-то. Не знала я подробности. Для меня это уже привычно все было. Такая жизнь у нашей бабы Тони была.

Раньше, особенно в деревнях, часто такое бывало. Пом-ню я, как бабушка рассказывала, что выходит она на порог дома своего утром рано, а у нее около порога бетон лежал, чтобы грязи не было. И видит: в центре дорожки бетон лоп-нул, и вырос за ночь красивый цветок ярко-красного цвета. Бабушка быстрее сорвала его и выкину-ла. А соседка выхо-дит и говорит ей: что ж ты, Маруся,

сорвала цветок, это же я тебе для хороший жизни поса-ди-ла. Много раз бабушка мне эту историю рассказывала, только и правда, после того как цветок она сорвала, по-сы-пались на ее семью несчастья: маму парализовало, с мужем разошлись.

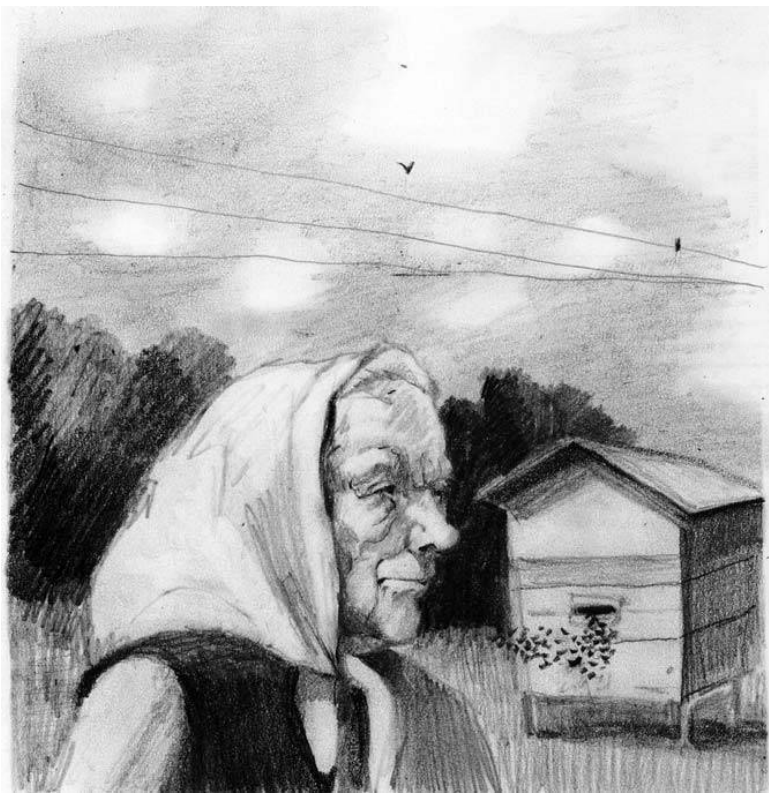
А сколько же у бабушки на родине, в деревне Нешево, таких случаев было! Начиная отец ее болеть сильно, ни-чего понять жена не может — просто гибнет человек. И тут просыпается он и говорит: сон мне приснился. Что живет в Ельне Графиня, которая поможет. Она мне так и сказала во сне. приезжай ко мне, я помогу. А отец-то был еще царской за-калки, суровый, не верил ни во что. Но тут поверил, говорит, поехали искать Графиню. Наш-ли. Приходят к ней. А она, даже не спрашивая, говорит: напротив вас дом стоит, там ва-ши родственники живут, муж хороший там, а вот жена вам завидует. Она и сделала на вас. Я вам сейчас водичку заго-ворю. Только ничего нельзя давать ей, если просить будет. Вернулись они до-мой. Только лошадь распрягли, бежит их соседка.

—

Вера,
дай
мне
сито!

Вера и дала. А воду заговоренную поставили они, как при-шли, в угол комнаты и веником прикрыли. Только Вера сито отдала, смотрят за веник, а бутылка с той во-дой, что Графи-ня дала, лопнула. Пришлось запрягать ло-шадь и ехать еще раз к Графине. Поругала Графиня, го-ворит: я же вам сказа-ла — ничего давать нельзя! И еще раз воды наговорила. Пе-рестал болеть Арсентий. Вроде наладилось все. А тут снова

напасть. Дохнет скот. С коро-вы кожа сходит. Брали они тогда корову и подвешивали в хлеву к потолку на холщовых тканях, и корова сразу по-правлялась, а как опускали на пол, снова кожа слезала. Пришлось снова ехать к Графине. И в этот раз помогла она. Перестал скотдохнуть.

Но никак не было спокойствия в их семье. Была у них в деревне женщина, пришла к Арсентию и говорит: хочу, чтобы ты со мной был. Арсентий аж плюнул. Терпеть он ее не мог, а тут такие разговоры. Распутная она была. А она го-

ворит — все равно со мной будешь. Уйди, не буду никогда. Разозлился он. А вот смотри, я сейчас плюну на тебя, а ты ту слюну проглоти. Смешно стало Арсентию. Дура ты, говорит. Он и проглотил. Дня не прошло, стал он бредить той женщиной, да так, что сам испугался и вся семья. Не могу, говорит, без нее и все. Рассказал он все жене, как было. Жена и говорит: приворожила тебя она. Опять лошадь запрягли и поехали они к Графине. Графиня говорит: вот вам вода, по пути, если кто вас остановит, будет хоть что просить, ничего не давайте. Возвращаются они обратно. А на дороге мужчина стоит, говорит, дай за-курить. Дал Арсентий, позабыв, что сказала Графиня. И не помогла ему вода, так и гибнет от любви. Поехали еще раз. Ничего по дороге не давал никому, только заку-рить, но не помогает мне вода. Так и мучаюсь, извожу себя. А Графиня: я же сказала — не давать! Вот ты не по-слушал меня.

—

Снова
заговорила
воды,
и
опять
спасла
отца

Графиня, — рассказывает мне бабушка. — А как стала умирать та соседка, родственница дальняя, что делала беды

им,

в

агонии

билась

она

долго

и

кричала

дочери

своей:

возь-ми от меня всё, возьми от меня всё! А дочь у нее
добрая была,

знала

она

о

маме,

молчала,

но

не

поддерживала

ее. Говорит,

мама,

не

возьму

от

тебя

ничего.

Тогда

крикнула ей мама: не возьмешь, так я тебя сама заберу! И сказала ей день, когда придет за ней. И умерла...

Дочка была у нее такая умница, вся деревня ее люби-ла, а тут вскоре, как похоронила она маму, приезжает она в Москву ко мне, — продолжила рассказ бабушка, — и го-

ворит: попрощаться я приехала. Через три дня мама меня заберет. Сидит за столом грустная такая. А мама моя с бабушкой успокаивают ее: да что ты такое говоришь, ты же такая здоровая, и тридцати тебе нет еще! Не поверили они тогда ей. А девушка вернулась обратно домой в Не-шево. Села вышивать у окна. Наступил тот час, что мама ей сказала, так и умерла, вышивая.

Вот какие случаи были в деревне.

Поэтому и боялись в деревне Шаманиху, и уважали за ее труд.

А мне она как бабушка была. Столькому она меня обучила! Приду к ней, смотрю — прядет она. Баба Тоня, на-учи, прошу. Ну что ж, садись, бери веретено. Ногами кру-ти колесо, а рукой второй нитку держи. «Ловко у тебя получается», — похвалила меня баба Тоня. Так я и пряла у нее часто, очень нравилось мне. Нитка толстая получа-лась. Из овечьей шерсти же делали. А один раз прихо-жу — баба Тоня овец стрижет, говорит, держи овцу, а то она ногами бьет сильно.

А овца перепуганная, ноги ей связала баба Тоня, положила набок на стол деревянный во дворе. Держу я ее, а она кричит на всю деревню, а баба Тоня стрижет. Много тогда шерсти мы заготовили.

—

Поедешь со мной валять шерсть? — спрашивает баба Тоня.

—

Конечно,
поеду!

—

обрадовалась
я.

Так мне нравилось, когда меня баба Тоня с собой бра-ла! То мы с ней на сено на тракторе поедem, то в лес, то Крaлю — корову — к быку водили. А тут шерсть валять — все мне интересно было.

Поехали мы в наш районный центр. Заходим в домик. А там вокруг шерсти овечьей — видимо-невидимо. И в центре стоит аппарат деревянный, туда шерсть из мешка кидаешь ту, что только срезали. Ее как большие

расчески чесать начинают и бросать из стороны в сторону, так бросают ее, а с другой стороны выходит шерсть уже пушистая, мягкая, словно пух. Ту уже на прялку класть можно и нитки прясть.

Много интересного я от бабы Тони узнала. И пироги она меня научила печь. Пироги пекли большие, как бу-ханка хлеба, теста немного совсем было, тоненькое, что-бы обернуть только начинку. А внутрь клали картошку, перемешанную с творогом. Сделали такой один пирог — и в печь, пока корочка золотистая не появится.

Печка в доме главной была. И готовила баба Тоня в печке все. А зимой еще и на буржуйке готовили. Топят в хате ее — и тепло, и готовить удобно, буржуйка раскалиется так, что быстро все, как на газу, готовилось. В печке раньше и мылись. Зимой баню-то не топили, идти холодно. Вот баба Тоня затопит печь, чугуны с водой нагреет, а как прогорят дрова, печь остынет, в печь залезает — и как баня у нее получается, только дома.

Вымоеется и на печку наверх лезет. Лежит, сохнет, тепло там. На печке лежать одно удовольствие, как же я любила! Только переворачиваться надо почаще, чтобы сильно один бок не перегреть. Лежишь, ворочаешься и слушаешь, что там баба Тоня делает. Как она справлялась с таким хозяйством — я смотрела, удивлялась. Встанет в четыре утра, корову подоит и выгонит пастись. Молока ведро корова давала, его надо перегнать на творог, сметану. Часть оставить для свиней.

Скосит баба Тоня травы, потом в ступку деревянную положит, посечет мелко и молоко туда, хлеба немного. Вот и корм для свиней. Гусей и кур выпустит с утра, пше-на горсть

бросит, и тоже они гуляют сами себе, корм ищут. Собаке четверть буханки отрежет, молоком за-льет — вот и покормила тоже, на день хватало. Кошкам

молока нальет. Овцы траву сами щипали, по деревне сами гуляли, главное, посматривать, чтобы далеко не убе-жали, но они же умные — сами ближе к дому держались. Нутрии еще у бабы Тони жили в клетках, вот их кормили мы с сестрой. Знали уже, какую траву они любят, не всю подряд они ели. Лопухи для них — самое лакомство было. Вот мы и ходили по всей деревне: лопухи соберем и ну-трий кормим.

Пчелы еще у бабы Тони были. Как же я их не любила! В огород зайти страшно. Баба Тоня сетку на голову наде-нет — и пошла к их домикам. Возвращается, по рукам пчелы ползают.

—
Они
же
кусаются!

—
со
страхом
говорю
я.

—
Нет, — отвечает с улыбкой баба Тоня. — Ползают толь-

ко. Но и укусит если, только польза от них. Пчели-ный яд полезный очень.

Зато как мед перегонит баба Тоня, соты для нас, детей, оставляет. Сидим мы с сестрой, кушаем их: пожую, воск выплюнем и водичкой запиваем.

Баба Тоня долго жила. Войну пережила. Во время во-йны она девушка была молодая, партизанам помогала. Узнали про это немцы. На расстрел ее повели. Как она спаслась тогда, непонятно, чудо спасло. Два сына у нее было. Правда, разъехались они по городам. А как умерла баба Тоня, приехал к ней в дом младший сын жить. Не мог он больше в городе находиться. Работал он учителем живописи в школе. А как на пенсию пошел, вернулся об-ратно в деревню. Но недолго прожил он здесь. Сгорел но-чью дом по весне, и дядя Ваня с ним.

ДЕТСТВО

В ДЕРЕВНЕ ЧЕЛНОВАЯ

Деревенская
библиотека

Прочитала книгу. Быстро, за один день. Идем с ба-бушкой в библиотеку. Деревянный дом. Крыльцо. От-крываем синюю дверь и... запах книг.

Слева — детские полки, справа — взрослые. Иду, сдаю книгу. Библиотекарь не верит, что я уже прочитала. Улы-ба-ется, говорит, расскажи, о чем книга. Я рассказываю. Удив-ляется, говорит, тогда бери другую. Иду направо, во взрос-лый отдел. Беру Дженни Герхард, моего любимого автора. Библиотекарь снова удивляется. Не сложно чи-тать будет? Мотаю головой. Расписываюсь на листочке за книгу. Ухо-жу счастливая. Быстрее налить чашку молока, взять печенье, сесть у окошка и читать, читать...

За
мамой
на
почту

Сегодня воскресенье, идем на почту звонить маме. Идем по пыльной дороге. Приходим. Маленький дере-вянный до-мик, открываем дверь. Стульчики, длинный

прилавок, как в магазине. Заказываем звонок в Москву. Сидим, ждем, пока зазвонит телефон. Ждем долго — 40 минут. Раздается звонок. Але, Москва! Мама, мамочка, приезжай быстрее, мы так скучаем. Спасибо за посылку. Колбасу получили. Кушаем. Ничего не нужно. Ждем тебя, приезжай быстрее. Связь прервалась. Три минуты закончились. Еще звонок. Женщина говорит, сколько нужно заплатить за маму. Дорого. Но мы слышали мамин голос. Идем домой. Скорее бы 8 июля, приедет мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.